

1910 год, 10 декабря. «Петербургская газета», №341, «В чём счастье»
(Беседа с Л.Н. Толстым), автор Нард. Псевдоним не раскрыт...

«В чём же счастье, вы хотите знать? – и он засмеялся тихим, добрым смехом. – Счастье! Да разве можно о таком предмете вот так наскоро переговорить! Правда, там за границей, это вошло в обычай трактовать в газете поверхностно о самых серьёзных предметах.

-И всё же? Лев Николаевич, есть много людей, которым хочется, ну хоть бы поверхностно, узнать о том, о чём подробно узнать им недоступно! Вот хотя бы о том, в чём счастье? Всяк знает, в чём счастье для него лично, но что такое счастье в отвлечённом смысле, где искать, как достигнуть – не знает...

-В отвлечённом смысле? Но ведь если истина отвлечённая есть истина, то она будет истиною и в действительности! Нужно только узнать эту истину, нужно убедиться в той разнице, которая существует между учением мира и учением истинной религии. Ведь все эти разноречивые мнения одного или другого о том, что для каждого из них было бы счастьем, основаны на том, что по учению мира считается для них необходимым. И все они для этого побросали дома, поля, отцов, братьев, жен, детей, отреклись от всего истинного и пришли в город, думая, что здесь счастье...

- Но разве в городе нельзя найти счастья?

- В городе? Прикиньте ту жизнь, которую все ведут в городе, на мерку того, что всегда все люди называли счастьем, и вы увидите, что эта жизнь далеко несчастье.

[color=blue]- Так какие же условия счастья, о которых никто спорить не будет?

- Ну, разве это можно так прямо сказать – вот они, эти необходимые условия, и всем они понятны, приятны и симпатичны! Но если уж хотите, что бы я непременно сказал вам свое мнение, какие такие условия нужны для земного счастья, то вот я скажу, что прежде всего считаю невозможным счастье без света солнца, при нарушении связей человека с природой. Иными словами, жизнь вне города, под открытым небом, при свежем воздухе, в деревне – вот первое условие земного счастья.[/color] Посмотрите, даже поэзия его себе иначе не представляет и, рисуя счастливую аркадию, воспекает жизнь идиллическую на лоне природы, вдали от городов...

- Какая же масса людей живет в городах, привязана к ним, не имеет возможности жить в деревне, родится и умирает, не видя ее. Так неужели счастье для них невозможно?

-Невозможно, я в этом убежден! Посмотрите, чему эти люди обречены: видят они предметы, обделанные людским трудом и при искусственном свете; слышат звуки машин, грохот экипажей; обоняют запах спирта и табачного дыма; едят часто все несвежее и вонючее. Ничто не допускает их к общению с землей, растениями, животными. На вид это жизнь заключенных!

- Но разве города не естественный результат постепенного развития семьи, общины?

- Кто вам сказал? Откуда вы это взяли? Посмотрите в историю, и вы увидите, что города сооружались из целей завоевательных...

- Хорошо, но если так, то все плоды и успехи цивилизации, проявляющиеся ярко в больших центрах, - все это ни к чему?

- Ни к чему! Цивилизация! Но кто же вам сказал, что цивилизация ведет к счастью! Вот, говорят, разовьется цивилизация, завертятся машины, все будут счастливы. С чего это? Нет, цивилизация и наша, как бывшие до нее, придет к концу и погибнет, потому что она не что иное, как накопление уродливых инстинктов человечества. Разве до нас не было цивилизаций? Была египетская, потом вавилонская, ассирийская, еврейская, греческая, римская... Где они? Привели они к счастью? Все погибли, и туда же пойдет и наша!

- Так, значит, город – вот преграда счастья?

- Нет, не один город. Нужен и труд, чтобы быть счастливым. Но труд свободный, разумный, любимый и при том физический, а не атрофирующий мозг и мускулы. По учению мира, люди служат, ходят в канцелярии, получают за это деньги... Но разве они любят свой труд, разве он удовлетворяет их! Нет! Их одолевает скука, работают они ненавистную работу и, пари готов держать, что вы не услышите ни от одного из них, чтобы он был доволен своей работой. А вот спросите мужика, вспахавшего поле, доволен ли он. Ах, как доволен и с какою любовью глядит на чернеющие борозды! Ещё одно условие счастья – семья. И этого нет здесь, где мирской успех считается ошибочно счастьем. Разве все эти мужья, жёны – разве это семьи? Они друг другу часто в обузу, и дети ждут часто смерти родителей, чтобы наследовать им.

-Так что же делать тому, кто не может бросить города, кого удерживает здесь долг? Всё бросить и уйти?

-Разве я это говорю! Сознайте свой долг, а куда это сознание вас приведёт – другое дело, не будем вдаваться. Нужно осветить свой путь и идти по нему. Ведь много удерживают, быть может, старые родители, которых он кормит. Разве ж их бросить? Но от сознания, что он исполняет долг свой, он хоть немного счастлив, хотя вполне его и не достигает...

-Но почему же?

-Потому, что при условиях мирской городской жизни люди стараются, прежде всего добыть то, что, по утвердившемуся ошибочному мнению, считается ступенью к счастью. И всякий бьётся изо всех сил, чтобы добыть то, чего для истинного счастья ему совсем не нужно. Мало того, достигнув одного, ему становится мало, и он бьётся и мучается, чтобы достать больше и ещё больше. Нужно ещё и ещё, и этим всё больше отягчается и так измученная душа, которой уже некогда стараться искать действительные истины и сознавать сделанную ошибку. Приобретая и достигая всё высших ступеней, по некоторым напрасно мнят прийти к счастью, люди в городах всё теснее и теснее замыкают кружок людей, с которыми возможно им общение.

-Да, но каждый класс людей, смотря по общественному положению, имеет свой же кружок знакомых, друзей, приятелей. Разве необходимо быть запанибрата со всеми, не разбирая ничего?

-Свободное любовное общение со всеми разнообразными людьми мира – тоже одно из условий, необходимых для счастья.

-Позвольте же задать вам вопрос, которым вы озаглавили одну из книг ваших: «Так что же нам делать?»

-Что делать? Я сказал вам, что нужно для счастья: ненарушение связи нашей с природой, труд физический, любимый и свободный, семья, здоровое и свободное любовное общение со всеми разнообразными людьми мира.

...

-Тому, кто на минуту согласится отрешиться от привычки и посмотрит со стороны на

нашу жизнь, тому легко будет. И так ясно будет видно, что всё то, что мы делаем для мнимого обеспечения нашей жизни, ошибочно и не больше как праздное занятие. Мы увидим, что бедностью мы называем – жить не в городе, а в деревне, не сидеть дома, а работать в лесу, в поле, видеть солнце, небо, быть голодным несколько раз в день и с аппетитом съесть кусок чёрного хлеба с солью, спать здоровым сном не на мягких подушках, а даже не на скамье, иметь детей, жить с ними вместе. Всё это, по мирскому понятию, - бедность и несчастье, а между тем это и есть счастье, потому что тогда мы будем свободны в общении со всеми людьми и не будем делать ничего такого, что нам не хочется делать...

-Вы сказали, для того, чтобы увидеть это, надо отрешиться от привычек и условий нашей жизни. Кто же на это способен? Не всякий

-Да, человек живёт сначала животной жизнью... Ему всё равно, куда она его потянет. Но наступают года, когда он начинает анализировать свои поступки и жизнь, и если в эти минуты он может думать, захочет думать и икать истины, то ему вовсе не надо будет поворачивать круто под прямым углом или впадать в безнадёжность. Надо будет только восстановить представление о том, что необходимое условие счастья человека есть не праздность, а труд; что человек не может не работать, что ему от праздности тяжело и скучно. Нужно будет отрешиться от предвзятого мнения, что счастье там, где есть неразменный рубль, и проникнуться убеждением, что не рубль спасает, а что только трудящийся достоин пропитания и будет прокормлен. А главное, нужно воспитывать в себе любовь. Освещая себе путь и идя по нему, нужно желать ближнему то, что себе желаешь...

...

И опять, улыбаясь кроткой, доброй улыбкой, Лев Николаевич посмотрел на меня. Говорил он так убедительно, с глубокой верой в то, что он считает истиной, что я невольно поддавался впечатлению, навеваемому его тихой, не лишённой убедительности речью.

И, взглянув на меня своими добрыми глазами, он, помолчав немного, спросил меня:

-Ну, знаете ли вы теперь, в чём счастье?

-Вот в чём счастье, - сказал мне гр. Л.Н. Толстой. – При настоящих условиях, как видите, достигнуть его не всем возможно, и многие, многие тысячи ещё долго будут вопрошать: «О, счастье, где ты?»

Удивительно, не правда ли?